

СТАТЬИ

Ася Сыродеева

Локальность и современники

Слово «перламутровый» катится как волна, <...>, в нем заключена акварельная пестрота и игра световых плоскостей как в поворачиваемой раковине.

Я знаю, что последовательности не последовательны, что с ними можно войти в сговор.

Мария Арбатова

Разные люди по-разному относятся к «своему» времени — к тому отрезку истории, на который пришлась их жизнь. Одни предпочитают абстрагироваться от повседневности и отдают предпочтение вопросам вечным, другие — полагают, что сиюминутное имеет право на серьезное к себе отношение. В свою очередь те, кто настойчиво откликаются на риторику конкретного момента и места, демонстрируют в отношении нее стратегии самые разные. Из того, как личность строит диалог с реалиями, составляющими ее непосредственное окружение, можно узнать немало о ее собственных склонностях, пристрастиях, качествах характера. Вместе с тем, если совместить представления людей, руководствующихся разными установками об одних и тех же исторических реалиях, это может дать объемный образ конкретного социального явления. Именно такое направление предлагается избрать, обращаясь к феномену локальности, под которым здесь подразумеваются пространственно-временные формы эпизодичности, разорванности социальной реальности.

Несмотря на то, что термин «локальность» еще не получил широкого признания¹, вполне оправданной видится работа с ним как с именем явления, которое аккумулирует в себе целый

ряд современных социокультурных тенденций: в их числе фрагментарность, дисконтинуальность, плюралистичность, контекстуальность. Будучи своеобразным социальным синонимом каждой из них, локальность не столько их обобщает, сколько делает явным то, как они намекают друг на друга, взаимоперекликаются, выступают составляющими одного достаточно заметного потока внутри современной социокультурной действительности. «Собирая» близкие тенденции, локальность усиливает потенциал каждой из них; на выходе же мы имеем образование, с одной стороны, трудноопределимое, а с другой — повсюду легко узнаваемое. Ибо локальность по праву можно считать настроением, характеристикой социокультурной атмосферы нынешнего исторического периода.

Собственно пребывание человека в социальной атмосфере так или иначе провоцирует превращение ее в предмет рефлексии. При этом достаточно очевидно, что существует определенная корреляция между установками в отношении того или иного феномена и его реальным потенциалом. С целью обозначить контуры локальности ниже будет предпринята попытка проследить, как воспринимается данное явление, как с ним работают Юрий Мамлеев, Ричард Рорти, Зигмунт Бауман, принадлежащие разным культурам, занимающиеся разной профессиональной деятельностью.

Начать имеет смысл с варианта рефлексии, который фиксирует феномен локальности. Презентирующую функцию выполняют, в частности, литературные тексты. Конечно, в них не найти анализа природы явления, обоснования его свойств или аргументов в пользу той или иной его оценки, а само оно предстает лишь как отдельный частный случай. Однако именно присутствии субъективного, личностного начала играет не последнюю роль в рельефности художественной презентации соответствующего явления.

В данном случае хотелось бы остановиться на небольшом прозаическом тексте Ю.Мамлеева «Многоженец»², в котором автор знакомит нас с фрагментарностью человеческого чувства.

Зная, какую боль это доставляет близкому человеку, герой Мамлеева тем не менее никак не может совладеть с расколотостью чувства любви к жене. Облик его жены, собственное поведение, стиль отношений между супругами распадаются в сознании героя на четыре совершенно разных плана, периодически сменяющие друг друга. В одном из этих планов-миров живет

жена, именуемая Горячей, во втором — Холодной, в третьем — Сонной, в четвертом — Полоумной. Дискретность миров подчеркивается не только их резкой контрастностью, но и пустотой между ними. «...Я никак не могу протянуть между ними нить. Между ними — одна пустота, провал», — делится с нами герой³. Подобные паузы настолько явны, отчетливо ощущаемы героем («[б]ледное солнце пустоты всходило», «...легкие тревожные укусы пустоты чувствую»)⁴, что ему начинает казаться, будто пустота есть еще одна «разновидность», «одна из форм» его жены.

Герой связывает множественность миров, в которых ему приходится находиться с силой собственного воображения. Это оно «накладывает отпечаток» на предметы в его квартире, оно же творит и мир за окном. «До свидания, вещи!», — прощается «отчужденный человек»⁵. Еще более тягостным оказывается то, что его воображение не желает довольствоваться внешним миром и превращает его самого в объект перманентных трансформаций, принося мучения обоим супругам. Но вот наступает момент, когда герой решает мобилизовать всю свою волю для того, чтобы покончить с тягостной множественностью, заявляя: «Хватит, у меня не сумасшедший дом»⁶.

Увенчается ли данное усилие успехом? На самом ли деле героя терзает воображение, а не стремление опереться на нечто целостное, однозначное, кажущееся столь спасительным? В множественности герой усматривает утрату реальности. А что, если реальный мир всегда реализует себя во многих ликах, и мы лишь тешим себя иллюзией целостности, упрямо пытаюсь жить согласно ей? Ощущение «отчужденного человека», будто с ним происходит нечто «чуждое», а сам он «существо странное» — не следствие ли это всего-навсего подобной иллюзии, по какой-то причине вытесняющей вполне объективное, органичное в зону бессознательного?

Мамлеев заканчивает рассказ многоточием, оставляя перечисленные вопросы открытыми — тем самым предоставляя возможность читателю самому в них разобраться. И все же, думается, в ненавязчивой манере ответы Мамлеевым подсказаны. Если воображение столь могущественно, вряд ли его функцию следует связывать лишь с дроблением. Конечно, не все фазы нашего фрагментарного мира чувств привлекательны, но сама их множественность вполне реальна. Мамлеев намекает, что не воображение следует обуздать, а стереотипные оценки его деятельности — его «любомногообразия».

Почему Мамлеев избрал подобную, в некотором смысле робкую форму представления локальности? Возможно, потому, что понимает, насколько сильны стереотипы целостности, как мешают они признанию факта локальности. С другой стороны, сама локальность столь глубоко укоренена в человеческой природе, что приоткрывать миру «интимную» реальность допустимо лишь в достаточно сдержанной манере.

Однако о локальности заявляют и с большей определенностью. Показательны случаи, когда она выступает предметом сознательного выбора наших современников. Личность при этом предлагает свою индивидуальную подсветку феномена. Обычно такой подсветкой становится аргументация в пользу собственного выбора. Случается и так, что последний оказывается жизненным кредо.

Выразительным примером в этом плане представляется позиция Р.Рорти. Сразу следует оговорить, что американский прагматист практически не использует в своих текстах термина локальность, отдавая предпочтение таким понятиям, как историчность, контекстуальность, случайность, предельность, темпоральность, хрупкость. Однако чем, как не синонимичными рядами они являются для локальности? По сути, локальность – лейтмотив работ Рорти.

Аргументы, которые можно обнаружить у Рорти в пользу локальности – это аргументы профессионального философа. Американский прагматист связывает локальность с нынешним этапом в истории философской мысли, который, используя терминологию Рорти, можно определить как метафилософский⁷. Рорти полагает, что в настоящее время существенно подорван былой статус эпистемологии и метафизики. Процесс познания при этом перестает быть нацелен на выявление истины, приближение к сущности, глубинной природе вещей. Универсалии утрачивают самоценность, а апелляция к абсолютам не воспринимается как серьезный способ аргументации. По мнению Рорти, все более отчетливо звучит мотив, что ничему не дано быть вечным и неизменным, свободным от детерминированности конкретным историческим контекстом и застрахованным от воздействия случайностей.

Любопытно, что проблематика локальности возникает на страницах работ Рорти не только в связи со сдвигами в философских приоритетах, но и в связи с сегодняшним статусом

философии. Лишенная метафизической устремленности, философия более не возвышается над специальными дисциплинами в качестве обладательницы априорного знания, не занимает привилегированного места в культуре. Указывая на все более отчетливо выраженный поворот от теории к повествованию, Рорти склонен считать философа представителем одной из литературных традиций⁸. Здесь американский прагматист делает еще один шаг: повествование литературно-художественного текста рассматривается как аналог жизненного пути конкретной личности. И вот, хочет он того или нет, локальность предстает в работах Рорти уже не только как категория, принадлежащая исключительно философской системе координат, но и как элемент внутреннего мира личности.

В текстах Рорти о Ницше, Прусте, Хайдеггере, Набокове, Деррида бывает подчас трудно провести грань между тем, где кончается обсуждение вопроса о стратегиях философствования и начинается разговор о жизненных установках личности. Рорти — страстный приверженец локальности и в ее ипостаси перспективного направления развития философской мысли, и в ипостаси достойного способа структурирования личной судьбы.

Американский прагматист не просто фиксирует локальность как некий факт, но верит в данный феномен, связывает с ней надежды как философ и как человек. Для него очевиден потенциал, присущий локальности, и ему очень хочется видеть его востребованным. Не в последнюю очередь поэтому его тексты насыщены полемикой, в них, как правило, присутствует оппонент, с которым Рорти не устает спорить.

Тема локальности прописывается Рорти в нескольких планах. И при этом планы взаимопересекаются, поддерживая, обосновывая друг друга. Принцип комплиментарности, созвучный локальности, характерен для корпуса текстов американского прагматиста — он нередко тасует планы-контексты, в которых так или иначе фигурирует локальность. Коль скоро цель данной статьи — представить отношение Рорти к локальности в принципе, эти планы будут перечислены лишь тезисно, демонстрируя в первую очередь тот диапазон вопросов, который Рорти связывает с рассматриваемым феноменом.

— Онтологически все в реальности предельно, конечно, ограничено в пространственно-временном плане и в этом смысле — локально; мир постоянно меняется, обновляется;

- всякое представление других о нас обусловлено конкретным контекстом и является частной точкой зрения, одним из мнений;
- случайность любого чужого взгляда дает право каждому на личную автономию, в том числе при выработке частного (идеосинкратического) словаря построения своего образа-Я;
- самоописание носит относительный характер и на протяжении жизни личность осуществляет периодическую само-редескрипцию;
- самосовершенствование имеет смысл ограничивать рамками приватного пространства – малым – во избежание нарушения свободы других;
- чуткость к деталям страдания другого – реальный способ солидарности с ним.

Наряду с разветвленной сетью аргументов, приводимых Рорти в пользу объективно возросшего статуса локальности, ее эффективности (не будем забывать, что мы имеем дело с представителем прагматизма), а также увязкой локальности с целым комплексом социальных проблем, американский философ создал образ положительного героя нашего времени – либерала-ирониста – сторонника принципа локальности. Идеальный герой и его автор полагают, что нет смысла говорить о «свободе от ограниченного пространственно-временного контекста»⁹. Им близка стратегия Пруста, который «овременил и окончил авторитет встреченных им людей, рассматривая их как создания случайных обстоятельств»¹⁰. Рорти и его «герой» полагают, что возвышенность «по природе своей приватна, <...> достигается выведением из-под того или иного конкретного наследства (словаря, традиции, стиля), пугающего человека тем, что может сковать всю его жизнь»¹¹. Они «сознают, что термины самоописания всегда подвержены изменению, <...> сознают случайность и хрупкость своих словарей, а значит, и самих себя»¹². И то, что «у каждого из нас может быть свой путь к совершенству, но мы должны сделать так, чтобы это стремление к совершенству не мешало социальному сотрудничеству»¹³. И то, что «солидарность не раскрывается рефлексией, но создается. Она создается повышением нашей чувствительности к определенным подробностям боли и унижения других, незнакомых нам людей»¹⁴.

Пристрастность позиции Рорти предстает особенно рельефно при соотнесении ее с мнением З.Баумана. Польско-британский социолог считает случайность и эпизодичность харак-

теристиками нынешнего социального контекста. «То, о чем большинство из нас ныне узнает из своего опыта, так это о том, что все образования в окружающем нас мире, какими бы прочными они ни представлялись, не имеют иммунитета против изменения; <...> что в целом время разбито на эпизоды — каждый с началом и концом, но без предыстории или будущего; что существует либо малая, либо отсутствует вообще логическая связь между эпизодами, даже их сменяемость выглядит подозрительной, чистым совпадением, случайностью; и что большинство из этих эпизодов, возникая из ниоткуда, проходят и исчезают, не оставляя каких-либо длящихся последствий. Иными словами, мир, в котором мы живем <...>, представляется отмеченным *фрагментарностью, дисконтинуальностью и отсутствием последствий*», — пишет он в монографии 1995 г., имеющей показательное в этом смысле название: «Жизнь в фрагментах. Очерки о постмодернистской морали»¹⁵.

Бауман отдает себе отчет в тех предпосылках, которые способствовали нынешнему смещению локальности в центр общественной жизни. Он хорошо знает, откликом на что именно является этот феномен. Иными словами, социолог во многом солидарен с Рорти в оценке позитивного потенциала локальности. Однако ему как бы не дает покоя вопрос об опасностях, которые, на его взгляд, таятся в том или ином явлении. Помнить о возможной амбивалентности любого явления — таков принцип Баумана¹⁶. Следует он ему и в случае локальности.

Методологический прием, к которому он периодически прибегает — процедура выпаривания, высушивания социального явления¹⁷. Концентрированный сухой остаток он представляет в виде социальных типажей и ключевых процессов эпохи. Эти гротескные «образы» позволяют отчетливо ощутить, над какими ценностями нависает угроза помимо тех, которым открыто противопоставляет себя постмодернистская реальность, каковы скрытые следствия, о которых сторонники «нового» не говорят, но которые со временем могут дать о себе знать.

Бауман демонстрирует глубину проникновения принципа фрагментарности в повседневную жизнь нашего современника тем, как понимается ныне, в частности, процесс идентификации. Если в эпоху модернизма человек был озабочен построением идентичности, а также ее поддержанием, то теперь приоритетной становится задача избежать ее окаменения, превращения в нечто раз и навсегда фиксированное¹⁸.

Процесс идентификации, полагает социолог, воспроизводит принципиальное различие модернизма и постмодернизма, которое Бауман демонстрирует парой соответствующих метафор: создание/переработка (creation/recycling). В то время, как процесс создания предполагает акт сам по себе необратимый, «однонаправленный», переработка – многократно заново начинающееся действие. Очень выразительно это различие передает тип средств документирования, получающий наиболее широкое распространение в соответствующий период. Если ходовым средством такого рода для модернизма в общем и целом была фотобумага, то для постмодернизма им стала видеопленка. Бауман напоминает о желтеющих со временем, делающих все более увесистыми семейные альбомы, старых фотографиях, однажды запечатлевших наших родных или нас самих. Между тем видеопленка предоставляет нам возможность переиначивать свой образ, создавая все новые дубли на месте прежних¹⁹.

Бесспорно, обретаемая постмодернистским человеком гибкость в определенной мере коррелирует с независимостью личности, ее свободой от давления и жесткой регламентации со стороны всевозможного рода авторитетов. И в этом отношении Бауман, думается, подпишется под каждым словом Рорти. Вместе с тем, озадачив себя вопросом: что представляет собой «тень», отбрасываемая триумфально шествующей локальностью, – Бауман чуть ускоряет темп сменяющих друг друга кадров-идентификаций. В результате такого приема выкристаллизовываются гротескные типажи прогуливающегося (stroller), бродяги (vagabond), туриста, игрока. Рисуя (чуть карикатурно) их образы, Бауман демонстрирует, что параллельно с обретением немалой мобильности, самодостаточности эти типажи фактически лишены местной укорененности, человеческой привязанности. Они предпочитают расширяющееся пространство своего движения месту, с которым отождествляли бы себя, и людям, за которых несли бы ответственность. Будучи в каком-то месте («being in the place»), группе, они, как правило, не ощущают себя частицей этого места («being of the place») или сообщества²⁰. Им чуждо чувство Дома, равно как и ответственность перед другими. По мнению социолога, подобное состояние доставляет человеку немало боли²¹. «В приватизированном существовании есть много радостей: свобода выбора, возможность испробовать многие жизненные варианты, шанс сделать себя соответственно личным представлениям. Но в нем есть и свои

горести: одиночество и неизлечимая неопределенность относительно наиболее желательных из уже сделанных и предстоящих выборов», — пишет он²².

Рисуя гротескные образы представителей нынешней эпохи, Бауман не ставит перед собой цель объявить войну «героям дня». Ибо полагает, что их появление обусловлено объективным ходом событий, сопротивляться которому по меньшей мере было бы наивно. Функция его типажей — просветительская: привлечь внимание, сделать очевидным, напомнить о том, что стало косвенным следствием ключевых тенденций времени.

Подход, видящий разное в локальности — светлые и темные стороны — позволяет состояться диалогу между сторонниками и противниками явления, символизирующего эпоху. Между тем подобная позиция работает не только на день сегодняшний. Повествование о феномене как об амбивалентном делает явным его связи и с прошлым, и с будущим.

Раскалывая реальность, амбивалентность тем самым раскрывает перед нами веер более или менее вероятных сценариев предстоящего. Чем станет для нас локальность: преградой или трамплином — вопрос, волнующий Баумана и, как он полагает, каждого, чувствующего ответственность за свой завтрашний день²³.

Одновременно локальность, в интерпретации Баумана, содержит намек, «воспоминание» о прошлом. Как правило, в качестве «тени» — малопривлекательного и нежелательного — воспринимается в числе прочего исчезновение имевшего место ранее. Прошлое косвенно дает о себе знать через собственные факты, отсутствующие в настоящем. Да, актуализация локальности подразумевает крушение системы. Но проблема интеграции, в прошлом представлявшая собой задачу системы, остается на повестке дня. Интеграция — шлейф, от которого локальность не может освободиться.

Соотнося локальность с контекстом прошлого и будущего, Бауман фактически располагает ее на перекрестке континуальных и дисконтинуальных отношений между днем вчерашним и завтрашним.

* * *

По всей видимости, можно говорить о существовании определенной корреляции между методологическим ракурсом обращения к локальности и отдельными ее свойствами. Три позиции

отношения к локальности: презентующая, возлагающая надежды и акцентирующая амбивалентность — каждая по-своему проливает свет на соответствующие стороны данного феномена.

Фиксирующий подход Ю.Мамлеева позволяет увидеть, насколько локальность органична для жизни человека. При этом наше стремление вытеснить, подавить локальность предстает ничем иным, как готовностью идти на поводу однажды сложившегося стереотипа о предпочтительности исключительно принципов целостности, интегративности.

Позицию Р.Рорти отличает надежда, что принцип локальности расширит для личности ее поле возможного, ибо этот принцип непосредственно связан с независимостью, самосовершенствованием и при этом боится от ущемления аналогичных прав других.

Наконец, внимание З.Баумана к амбивалентности напоминает нам об ответственности за то, какое конкретно воплощение получит содержащийся в локальности потенциал.

Наша жизнь пришлась на период истории, когда многое в общественной и частной сфере разворачивается согласно логике локальности. Но мы можем сами себе заметить, что личный опыт и рефлексия по поводу него каждого из нас вносят немалую лепту в облик этого феномена.

¹ Прилагательное же «локальное» у многих на устах как характеристика нынешней, постсовременной, эпохи и соответствующих ей событий (см., например, работы Ж.-Ф.Лиотара, М. де Серто, И.Хассана, З.Баумана, С.Лаша, А.Гидденса, Ф.Джеймисона, Р.Бернстайна и др.).

² *Мамлеев Ю.* Многоженец (Рассказ отчужденного человека) // *Мамлеев Ю.* Вечный дом: Повести и рассказы. М., 1991. С. 84-89.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. С. 84.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ *Rorty R.* Response to Charles Hartshorne // *Rorty and Pragmatism. The Philosopher Responds to His Critics.* Nashville and L., 1995. P. 32.

⁸ *Философия без оснований. Беседы Михаила Рыклина с Ричардом Рорти* // *Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст.* М., 1997. С. 140.

⁹ *Rorty R., Habermas, Derrida, and the Functions of Philosophy* // *Revue Internationale de Philosophie*, 1995/4. № 194. P. 454.

¹⁰ *Rorty P.* Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 139.

¹¹ *Rorty R., Habermas, Derrida, and the Functions of Philosophy.* P. 457.

¹² *Rorty P.* Случайность, ирония и солидарность. С. 104.

-
- ¹³ Круглый стол в Институте философии РАН с участием Ричарда Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. С. 71.
- ¹⁴ Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. С. 20-21.
- ¹⁵ Bauman Z. *Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality*. Oxford, 1995. P. 266.
- ¹⁶ Важно иметь в виду, что у Баумана термин «амбивалентность» не отягощен оценочным оттенком. Для него амбивалентность – объективное свойство социальной реальности. Так, например, моральный поступок Бауман определяет как поступок выбора в рамках амбивалентной ситуации: выбор между добром и злом (Ibid. P. 66). См. также: Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 241. Вместе с тем социолог учитывает тот факт, что в определенных социальных контекстах амбивалентность вызывает оценочное к себе отношение в силу вызова, который она бросает конкретной социальной организации. (Там же. С. 193-194). Свидетельством того, насколько большое значение придает Бауман проблематике амбивалентности, является, в частности, его монография «Modernity and Ambivalence» (Cambridge, 1991).
- ¹⁷ Bauman Z. *Life in Fragments*. P. 8.
- ¹⁸ Ibid. P. 81.
- ¹⁹ Ibid. P. 81, 267.
- ²⁰ Ibid. P. 97.
- ²¹ Стоит отметить, что жена З.Баумана – Янина Бауман, человек очень близкий и дорогой его сердцу – в одной из своих книг на примере личной судьбы литературно-художественно показала, что потребность в принадлежности сообществу не является сугубо идеологической по происхождению (Bauman J. *A Dream of Belonging. My Years in Postwar Poland*. L., 1988).
- ²² Bauman Z. *Life in Fragments*. P. 275.
- ²³ Ibid. P. 9.